

От автора мировых бестселлеров
«КОНКЛАВ» и «ФАТЕРЛАНД»

РОБЕРТ ХАРРИС

ВРАЧ-2

Роберт Харрис,
как всегда, неподражаем
в описании событий
Второй мировой войны.

Sunday Express

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Большой роман (Аттикус)

Роберт Харрис

Фау-2

«Азбука»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Р.

Фау-2 / Р. Харрис — «Азбука», 2020 — (Большой роман
(Аттикус))

ISBN 978-5-389-33755-8

Конец 1944 года. Стремительно приближается крах нацистской Германии. Гитлер решает сделать ставку на чудо-оружие – «Фау–2». Это ракета с боевой частью огромной разрушительной силы, и у противника нет средств для перехвата. Немецкий инженер Руди Граф стоял у истоков создания баллистических ракет. В юности он мечтал строить космические корабли, но теперь вынужден запускать ракеты по жилым кварталам английских городов. По другую сторону фронта англичанка Кей, офицер воздушной разведки, пытается собрать информацию о сверхсекретном оружии рейха и обнаружить места запуска «Фау–2». Судьбы этих людей сошлись в незримом поединке. Цена победы или поражения – тысячи человеческих жизней.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33755-8

© Харрис Р., 2020
© Азбука, 2020

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роберт Харрис

Фау-2

Посвящается Сонни Метта

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Серия «Большой роман»

Robert Harris
V2

Copyright © 2020 by Canal K Limited
All rights reserved

Перевод с английского *Александра Яковлева*

© А. Л. Яковлев, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Азбука», 2026 Издательство Азбука®

От автора

Действие этого романа происходит в течение пяти дней в конце ноября 1944 года. В своей основе он соответствует фактам. Атаки «Фау-2» на Лондон происходили в той же последовательности и с теми же результатами, какие описаны в книге. Немцы запускали ракеты с голландского побережья, из леса в окрестностях Схевенингена. В ответ англичане провели операцию противодействия, важную роль в которой сыграла группа офицеров Женской вспомогательной службы ВВС. Я постарался отразить историю ракетной программы и работу дешифровальщиков данных аэрофоторазведки в Медменхеме настолько точно, насколько это позволяет жанр художественной прозы.

Но все же это роман. Кроме столь хорошо известных исторических фигур, как Вернер фон Браун и генерал СС Ганс Каммлер, представленные на его страницах персонажи и их приключения являются плодом чистого вымысла. Для читателей, желающих больше узнать о «Фау-2», я прилагаю в разделе «Благодарности» в конце книги список источников.

Роберт Харрис Июль 2020

Глава 1

Субботним утром в конце ноября 1944 года в локомотивном депо голландского курортного городка Схевенинген лежали в своих металлических люльках, подобно избалованным заботой пациентам частной клиники, три баллистические ракеты длиной пятнадцать метров каждая. Их технологические панели были открыты, датчики присоединены к приборам контроля; вокруг суетились техники в безразмерных брезентовых робах немецкой армии.

Та зима, шестая с начала войны, выдалась чрезвычайно суровой. Холод исходил от бетонного пола, просачивался через подошвы самых толстых сапог и пробирал до костей. Вот работник сошел со своего помоста и затопал ногами, чтобы разогнать кровь. Он один был в штатском. Довоенного кроя темно-синий костюм, обойма ручек в нагрудном кармане и поношенный галстук в клеточку выдавал учителя математики, если высказать догадку о профессии, или младшего научного сотрудника какого-нибудь института. Только заметив темные масляные дужки под обкусанными ногтями, вы бы поняли: ну конечно, это инженер.

Он слышал голос находящегося в какой-то сотне метров Северного моря: мерное биение волн о берег, крики чаек, кружащих на ветру. В уме у него роились воспоминания – которых, пожалуй, было слишком много. Хотелось вставить беруши, чтобы заглушить порождающие эти воспоминания звуки. Но это сделало бы его еще более приметным, да и вытаскивать затычки пришлось бы каждые пять минут, поскольку ему то и дело задавали вопросы – о состоянии двигательной установки, о росте давления в спиртовом баке, об электропроводке, связывающей наружное и внутреннее управление ракетой...

Он вернулся к работе.

Незадолго до половины одиннадцатого одна из больших стальных дверей с грохотом откатилась на роликах, и караульные солдаты возле нее замерли по стойке смирно. Вместе с потоком морозного воздуха в помещение проник полковник Вальтер Хубер, командир артиллерийского полка. Рядом с ним шагал человек в черном кожаном пальто с серебряной эмблемой СС на лацкане.

– Граф! – выкрикнул полковник.

«Отвернись, – велел Графу инстинктивный импульс. – Возьми паяльник, склонись над приборным отсеком, сделай вид, что занят».

Но от Хубера было не укрыться. Его голос разносился звонко, как на плацу:

– Так вот где вы прячетесь! Тут кое-кто хочет познакомиться с вами. – Высокие кожаные сапоги полковника скрипели, пока он шел через ремонтный ангар. – Это штурмшарфюрер Бивак, офицер Национал-социалистического руководства вермахта. Бивак, – произнес он, пропуская спутника вперед, – это доктор Руди Граф из армейского исследовательского центра Пенемюнде. Наш технический специалист.

Бивак вскинул руку в фашистском приветствии, на которое Граф с опаской ответил. Он слышал про НСРВ, но вживую прежде не встречал. Это были комиссары нацистской партии, недавно внедренные по приказу фюрера в вооруженные силы для разжигания боевого духа. Фанатики до мозга костей. Чем хуже идут дела, тем сильнее они беснуются.

Эсэсовец оглядел Графа с ног до головы. Биваку лет сорок, держится не враждебно. Даже улыбнулся.

– Так вы один из гениев, благодаря которым мы победим в войне?

– Едва ли.

– Графу известно все, что нужно знать о ракетах. Он может просветить вас, – поспешил вмешаться Хубер, после чего обратился к инженеру: – Штурмшарфюрер Бивак будет находиться при моем штабе. У него есть полный доступ к секретным сведениям. Можете рассказать ему все.

Полковник взглянул на часы. Граф догадывался, что ему не терпится уйти. Это был прусак старой школы, артиллерист Великой войны – именно тот типаж, что после покушения военных на Гитлера оказался под подозрением. Меньше всего на свете Хубер хотел иметь в своем штабе нацистского шпиона, подглядывающего через замочную скважину.

– По плану один из взводов Зайделя должен произвести запуск через тридцать минут. Почему бы вам не зайти туда и не посмотреть? – (Короткий подбадривающий кивок.) – Вот и хорошо.

И он ушел.

Бивак пожал плечами и, глядя на Графа, скроил мину: «Ох уж эти старикашки! Что с ними поделаешь?»

Затем офицер кивнул в сторону рабочего стола:

– Так над чем вы тут работаете?

– Над трансформатором из технологической панели. Эти штуки не любят холода.

– А кто любит? – Бивак упер руки в бока и осмотрел ангар. Взгляд остановился на одной из ракет. *Vergeltungswaffe Zwei* – таково было официальное название. «Оружие возмездия – два». «Фау-2». – Боже, какая красотка! Конечно, я слышал о них, но своими глазами вижу впервые. Очень хочется посмотреть на запуск. Не возражаете?

– Конечно нет. – Граф снял шляпу, шарф и дождевик с вешалки у двери.

Дождь зарядами налетал с моря, поливал улицы между пустующими гостиницами. Пристань сгорела год назад, закопченные чугунные сваи торчали из белых шапок прибой, как мачты потерпевшего крушение корабля. пляж был обнесен колючей проволокой и изрыт танковыми ловушками. На здании железнодорожного вокзала висели потрепанные довоенные плакаты – две элегантные девушки в полосатых купальных костюмах и шляпках клош перебрасывали друг другу мяч. Местных жителей отселили. Здесь не было никого, кроме военных, и никакого транспорта, кроме нескольких армейских грузовиков и тракторов, использовавшихся для перевозки ракет.

По пути Граф объяснял, как все устроено. «Фау-2» доставляются по железной дороге с завода в Германии, под покровом темноты, чтобы не заметили с воздуха. В партии двадцать ракет, в неделю две или три партии, всё в рамках кампании против Лондона. Такое же количество нацелено на Антверпен, но эти ракеты взлетают с территории Германии. СС проводит собственную операцию, базируясь на Хеллендорн. Батареи в Гааге получили приказ запускать ракеты в течение пяти дней с момента их прибытия.

– Почему такая спешка?

– Потому что чем дольше ракеты подвергаются воздействию сырости и холода, тем чаще дают сбой.

– Недоработок много? – Слушая Графа, Бивак делал заметки в блокноте.

– Да, много. Чересчур!

– Почему так?

– Технология революционная, а это значит, что со временем мы ее доведем до ума. Нами уже внесено в прототип свыше шестидесяти тысяч изменений. – Граф хотел добавить, что настоящее чудо в том, что осечек не так уж много и большинство ракет все-таки взлетает. Но передумал. Ему не нравился блокнот эсэсовца. – Можно спросить, почему вы так много записываете? Готовите доклад?

– Ничего подобного. Просто хочу быть уверен, что все правильно понял. Вы давно работаете над ракетами?

– Шестнадцать лет.

– Шестнадцать?! Если судить по вашему виду, этого не подумаешь. Сколько вам лет?

– Тридцать два.

– Столько же профессору фон Брауну. Наверное, вы были с ним на военном испытательном полигоне в Куммерсдорфе?

Граф покосился на собеседника. Значит, проверяют не только его, но и фон Брауна. На душе стало беспокойно.

– Это верно.

Бивак рассмеялся:

– Какие же вы все молодые, ребята-ракетчики!

Оставив позади городские улицы, они вошли в зеленое предместье. Схевенинген приютился в окружении лесов и озер. Прелестное было местечко до войны, подумалось Графу. Позади водитель загудел в клаксон, заставив обоих отпрыгнуть на обочину. Секунды спустя мимо погромыхал транспортер, везущий «Фау-2» в ее гидравлической люльке: впереди, ближе к кабине, стабилизатор, затем длинный корпус и, наконец, за габариты кузова выдается носовой конус с однотонной боеголовкой. Следом катили окрашенные в камуфляж бензовозы.

– Там этиловый спирт... жидкий кислород... перекись водорода! – прокричал Граф Биваку, сложив рупором ладони. – Все доставляется поездами вместе с ракетами. Топливо мы заливаем на пусковой площадке.

Когда последний грузовик скрылся за поворотом, двое мужчин продолжили прогулку.

– Вражеских бомбардировщиков опасаетесь? – спросил Бивак.

– Разумеется, днем и ночью. К счастью, пока нас не обнаружили. – Граф окинул взглядом небо.

По данным метеорологов вермахта, в эти выходные над Северной Европой проходил дождевой фронт. Из низких серых туч сыпалась морось. В такую погоду Королевские ВВС не летали.

Углубившись еще немного в лес, они уперлись в КПП. Поперек дороги был опущен шлагбаум, рядом стояли часовые. Граф глянул в заросли. Среди мокрых кустов пробирался солдат с крупной эльзасской овчаркой на поводке. Пес поднял лапу и посмотрел на инженера. Один из караульных эсэсовцев положил руку на автомат, а другую поднял.

Уже сколько раз Граф ходил на запуск ракет, а этим солдатам явно доставляло удовольствие вести себя так, будто они его видят впервые. Он достал из кармана бумажник. Вместе с удостоверением выскользнула маленькая фотография и упала на дорогу. Прежде чем Граф успел пошевелиться, Бивак наклонился и поднял карточку.

– Ваша жена? – спросил он, улыбнувшись.

– Нет. – Графу неприятно было видеть фотографию в руке эсэсовца. – Она была моей подружкой.

– Была? – Бивак скроил мину профессионального сочувствия, как у служащего похоронного бюро. – Мои соболезнования. – И вернул карточку.

Граф бережно вернул ее в бумажник. Он догадывался, что Бивак не прочь узнать подробности, но не был готов делиться ими.

Шлагбаум поднялся. Вперед вела дорога с узорчатыми фонарными столбами, к ней с обеих сторон подступал лес. Прежде она служила для велосипедных прогулок, теперь же над ней висела маскировочная сеть. На первый взгляд дорога казалась пустой. Но по мере того как Граф и Бивак шагали по ней, становилось очевидно, что за уходящими влево и вправо ответвлениями под сенью леса прячется хозяйство целого полка: палатки-склады, палатки-лаборатории, десятки автомобилей, десятков укутанных брезентом ракет. Насыщенный сыростью воздух оглашался криками, гулом генераторов, шумом двигателей. Бивак останавливался, задавал вопросы и нетерпеливо шествовал дальше.

Местность слева шла под уклон. Сквозь ветви была видна гладь озера, темная как свинец, с островком и нарядным лодочным домиком. Когда обогнули поворот, Граф вскинул руку, требуя остановиться.

В двухстах метрах впереди, на середине поляны, почти неразличимая поначалу благодаря пятнистому коричнево-зеленому камуфляжу, стояла вертикально на стартовой площадке «Фау-2», одинокая, если не считать стальной мачты, с которой ее соединял электрический кабель. Вокруг не наблюдалось никакого движения. Тонкая струйка пара вилась над баком с жидким кислородом, осаждаясь в туманном воздухе, как облачко от дыхания. Впечатление, как будто они набрели в глуши на некоего громадного и величественного зверя.

– Можно подойти ближе? – спросил Бивак, инстинктивно понизив голос.

– Это граница безопасной зоны, – возразил Граф. – Вы обратили внимание, что вспомогательный транспорт отогнан? Это значит, что пусковая команда уже в своих траншеях. – Он достал из кармана дождевика заглушки для ушей. – Вот, воспользуйтесь.

– А вы?

– Со мной все будет в порядке.

– Значит, и со мной тоже, – отклонил предложение Бивак.

Прозвучала сирена. Вспугнутая птица – редкий уцелевший экземпляр, подумалось Графу, ведь солдаты обожали охотиться на дичь с целью разнообразить питание, – выпорхнула из подлеска и судорожно взмыла в воздух. Ее хриплые панические крики разнеслись по дороге вместе с воем сирены.

– Пустая эта штуковина весит четыре тонны, а заправленная – двенадцать с половиной, – сообщил Граф. – После зажигания топливо поступает самотеком. Двигатель выдает восемь тонн тяги – все еще меньше, чем масса ракеты.

Из громкоговорителя послышался голос:

– Десять... девять... восемь...

От нижней части ракеты каскадом полетели искры, яркие, как светлячки в ночи. Внезапно они превратились в струю оранжевого пламени. Листья, ветки, комья земли взметнулись и закружились над поляной.

– Включился турбонасос! – прокричал Граф, повернувшись к Биваку. – Тяга растет до двадцати пяти...

– ...три... два... один!

Слова Графа потонули в резком трескучем реве. Инженер зажал уши ладонями. Соединительный кабель отошел. Смесь спирта и жидкого кислорода, накачиваемая турбонасосом в камеру сгорания и расходуемая по тонне за каждые семь секунд, производила, как у них в Пенемюнде принято было утверждать, самый громкий рукотворный звук на свете. От дрожи земли сотрясалось все тело. В лицо била волна жара. Окружающие деревья озарились сиянием.

Подобно бегуну, напружинившемуся в упоре за долю секунды до выстрела стартового пистолета, «Фау-2» поначалу словно замерла в ожидании, а затем резко устремилась вверх, увлекая за собой пятнадцатиметровый огненный шлейф. Оглушительный грохот обрушился с неба на лес. Граф вывернул шею, наблюдая за ракетой, и повел в уме отсчет, молясь, чтобы она не взорвалась. Одна секунда... две секунды... три секунды...

Ровно через четыре секунды полета сработал таймер активации на одной из технологических панелей, и «Фау-2», уже набравшая две тысячи метров, плавно наклонилась до угла в сорок семь градусов. Графа всегда расстраивал этот необходимый маневр. В его мечтах ракета устремлялась вертикально, к звездам. Он проводил глазами красный след, прежде чем она скрылась за низко плывущими тучами в направлении Лондона.

Граф опустил руки. В лес вернулся покой. Единственным напоминанием о «Фау-2» служил далекий рокот, но вскоре смолк и он. Остались только птичьи крики да шум дождя среди ветвей. Пусковой взвод выходил из траншей, подтягивался к стартовой площадке. Два человека в асбестовых костюмах шагали неуклюже, как глубоководные водолазы.

Бивак медленно убрал ладони с ушей. Лицо у него покраснелось, в глазах горел неестественный блеск. Впервые за это утро офицер Национал-социалистического руководства вермахта не находил слов.

Глава 2

Спустя шестьдесят пять секунд после старта на высоте двадцать три мили и на скорости две с половиной тысячи миль в час встроенный акселерометр одновременно перекрыл подачу топлива к двигателю «Фау-2» и перевел на боевой взвод взрыватель боеголовки. Лишенная импульса ракета летела теперь по баллистической траектории, следуя такой же параболе, по какой летел бы запущенный из катапульты камень. Скорость продолжала расти. Нос ракеты указывал на 260 градусов, на восток-юго-запад. Целью был вокзал Чаринг-Кросс, условный центр Лондона. Падение в любом месте в радиусе пяти миль от него считалось точным попаданием.

В это же время двадцатичетырехлетняя Кей Кейтон-Уолш – имя ее было Анджелика, но все звали ее Кей, сокращенно от Кейтон, – вышла из ванной в квартире на Уорик-Корт, тихой улочке неподалеку от Чансери-лейн, в Холборне, примерно в миле от Чаринг-Кросса. Она была обернута коротким розовым полотенцем, привезенным из деревни, и держала в руках туалетный набор: мыло, зубная щетка, зубная паста и флакон любимых духов «Герлен лер бле», которые щедро нанесла на кожу за ушами и на запястьях.

Кей наслаждалась ощущением ковра под босыми ногами – трудно было припомнить, когда она в последний раз пользовалась этой маленькой роскошью. Из коридора она вошла в спальню. Усатый мужчина курил сигарету на кровати и смотрел на нее из-под полуприкрытых век. Кей положила набор в саквояж и сбросила полотенце.

– Боже, какое зрелище! – Мужчина улыбнулся, передвинулся на постели и откинул одеяло рядом с собой. – Иди сюда.

На мгновение возникло желание так и поступить, но она вспомнила, как колется черная щетина его щек и как резко пахнет от него табаком и перегаром по пробуждении. К тому же хотелось растянуть удовольствие: секс, по ее опыту, был в равной степени наслаждением телесным и умственным. У них впереди еще день, вечер, ночь и, быть может в последний на какой-то срок раз, следующее утро. Кей улыбнулась и мотнула головой:

– Нужно сходить за молоком.

Когда мужчина с досадой откинулся назад, Кей подняла с ковра сорочку: персикового цвета, новенькую, купленную специально в предвкушении события, которое англичане в своей типичной манере прозвали грязными выходными. «Ну почему мы используем такое выражение? – подумалось ей. – Какой же странный мы народ».

Девушка выглянула в окно. Здание на Уорик-Корт, располагавшееся между Линкольнс-Инн и Грейс-Инн, по большей части занимали адвокатские конторы.

Странное место для жилья, мелькнула у нее мысль. В субботу утром тут было тихо. Дождь прекратился, выглянуло бледное зимнее солнце. Доносился шум автомобилей с Чансери-лейн. На углу напротив бакалейный магазинчик...

Она начала одеваться.

В сотне миль к востоку «Фау-2» достигла предельной высоты пятьдесят восемь миль – края земной атмосферы – и какое-то время мчалась под сонмом звезд со скоростью три с половиной тысячи миль в час, пока земное притяжение не предъявило свои права. Нос ракеты медленно наклонился, и начался спуск к Северному морю. Воздействие воздушных потоков и турбулентности при возврате в плотные слои роли не играло – пара установленных сразу под боеголовкой гироскопов улавливала любое отклонение от курса и компенсировала его, посылая электрические сигналы на четыре руля в хвостовом оперении. Как раз в тот миг, когда Кей пристегивала второй чулок, ракета пересекла береговую линию Англии в трех милях к северу от Саутэнд-оф-Си, а когда девушка натянула через голову платье, ракета промелькнула над Бэзилдоном и Дэггенхемом. В одиннадцать двенадцать утра, спустя четыре минуты пятьде-

сят одну секунду после запуска, летя на скорости, почти втрое превышающей скорость звука, слишком быстрая, чтобы ее заметили с земли, «Фау-2» врезалась в дом на Уорик-Корт.

Перемещающийся на сверхзвуковой скорости объект вызывает сжатие атмосферы. За незначительную долю секунды до того, как заостренный конус коснулся крыши викторианского здания, и прежде, чем четырехтонный снаряд пробил все пять этажей, Кей уловила – не отдавая себе отчета и уж тем более не имея возможности описать словами свои ощущения – некоторое изменение в давлении воздуха, какое-то предчувствие угрозы. Затем два металлических контакта взрывателя ракеты, защищенные силиконовым колпачком, соединились, замкнув электрическую цепь и вызвав детонацию тонны аматола, мощного взрывчатого вещества.

Спальня как будто растворилась во мгле. Кей слышала грохот взрыва, скрежет разрываемого металла и ломающейся кладки, стук падающих с потолка кусков штукатурки, пока фюзеляж и фрагменты носового конуса пробивали этаж за этажом, и почти мгновенно последовал оглушительный удар звуковой волны, созданной стремительным полетом ракеты.

Ударная волна сбила девушку с ног и впечатала в стену спальни.

Кей лежала на боку, не потеряв сознание, не в силах дышать, но охваченная странным спокойствием. Она совершенно точно знала, что поразило дом. «Так вот каково это», – мелькнула мысль.

Теперь главную опасность представляла взрывная волна внизу. Вопрос в том, достаточно ли она сильная, чтобы повредить фундамент и обрушить здание.

В комнате было темно от пыли. Спустя какое-то время Кей ощутила сквозняк и услышала, как что-то полощется рядом. Она протянула руку и коснулась ковра. Но тут же отдернула, нащупав осколки стекла. Окно было выбито, занавески трепетали на ветру. Где-то снаружи кричала женщина. Каждые несколько секунд раздавался грохот обрушающейся кладки. В воздухе угадывался пугающий сладковатый запах газа.

– Майк? – Нет ответа. Кей позвала еще раз, громче: – Майк!

Потом с трудом села. Комната была как в сумерках. В потоке серого света, льющемся из выбитого окна, вихрем кружились крупинки измельченного кирпича и песок штукатурки. Перекошенные, утратившие привычные очертания предметы – туалетный столик, кресла и картины – тонули во мгле. Над деревянным изголовьем кровати по потолку змеилась трещина. Собираясь с силами, Кей сделала глубокий вдох и глотнула пыли. Закашлявшись, ухватилась за штору, поднялась с ее помощью и стала пробираться через завалы к постели.

Стальной швеллер лежал поперек нижней части матраса. Одеяло было усыпано кусками штукатурки, дранки и утеплителя. Пришлось поработать обеими руками, чтобы сбросить все это и увидеть очертания верхней части человеческого тела. Лицо было обращено в противоположную от Кей сторону. На одеяле ярко краснело пятно. Кровь, показалось ей сначала. Но при прикосновении выяснилось, что это кирпичная крошка.

– Майк! – Кей попыталась нащупать пульс у него на шее, и в это мгновение резко, как будто он прежде притворялся неподвижным, его голова повернулась.

Лицо было неестественно бледным, зрачки расширены. Девушка поцеловала его, погладила по щеке.

– Ты ранен? Можешь двигаться?

– Сомневаюсь. Ты цела?

– Я в порядке. Попробуй пошевелиться, милый. Тут где-то утечка газа. Нам нужно выбираться.

Она просунула руки ему под мышки, обхватила мускулистый торс и потянула. Он задергал плечами, вырываясь. Его лицо исказилось от боли.

– У меня что-то с ногами.

Кей переместилась к швеллеру. Всякий раз, когда ей удавалось немного сдвинуть железяку, Майк стонал сквозь зубы.

– Оставь его, бога ради!

– Прости. – Девушка чувствовала себя беспомощной.

– Уходи, Кей. Пожалуйста! Просто сообщи, что тут газ.

В его голосе угадывалась с великим трудом сдерживаемая паника. Майк признался однажды Кей, что самое страшное потрясение на службе получил не в воздушном бою. Он видел, как летчик сгорел заживо в кабине после неудачной посадки. У бедняги зажалю ноги, а спасателей к нему не подпускал огонь.

«Ей-богу, мне хотелось пристрелить его».

Поблизости зазвенел колокол пожарной машины.

– Я за подмогой. Но не брошу тебя, клянусь.

Кей обулась и выбралась из спальни в коридор. Толстый ковер был погребен под штука-туркой. Запах газа здесь чувствовался острее – утечка, видимо, происходила в кухне. И пол как будто наклонился. Через протянувшуюся через всю стену, от пола до потолка, трещину шириной с ее ладонь с улицы лился свет. Кей отперла входную дверь, повернула ручку, потянула. Дверь не поддавалась. Пришлось выдернуть ее из перекосившейся коробки, и девушка вскрикнула от ужаса, оказавшись на краю двадцатифутового обрыва. Лестничного марша между вторым и третьим этажами и части внешней стены здания больше не существовало. Ничто не отделяло Кей от коробки дома напротив, с пустыми глазницами окон и обрушившейся крышей. На улице прямо под ее ногами лежала груда обломков: кирпичи, трубы, куски мебели, детская кукла. От десятка мелких очагов пожара поднимался дым.

Подкатила пожарная машина. Экипаж снимал лестницы и раскатывал брандспойты среди ландшафта, напоминавшего поле только что отгремевшей битвы. Лежали окровавленные и покрытые пылью тела, рядом в прострации, опустив голову, сидели травмированные люди. Среди них сновали рабочие в касках, из сил гражданской обороны. Два трупа уже перенесли в сторону и накрыли. Собралась толпа зевак.

Кей ухватилась за дверной косяк, высунулась, насколько хватило смелости, и закричала, зовя на помощь.

Согласно документам Лондонского муниципального совета, в результате инцидента, известного как «Уорик-Кортская ракета», погибли шесть человек и были ранены двести девяносто два. Большинство этих людей пострадали на Чансери-лейн от разлетевшихся обломков. В числе погибших Вики Фрейзер, медсестра тридцати лет, Ирен Берти, девятнадцатилетняя секретарша из адвокатской конторы, и Фрэнк Барроуз, шестидесяти пяти лет, инженер-теплотехник. На немногих фотографиях, пропущенных цензурой, запечатлены пожарные с лестницами, приставленными к зданию, верхние этажи которого полностью обрушены, и чудачковатый мужчина лет за сорок, низкорослый и худощавый, в черном плаще и фетровой шляпе, пробирающийся среди груд мусора. Это был врач, случайно оказавшийся рядом. Он вызвался войти в готовое рассыпаться здание, и именно он через пять минут после отчаянного призыва Кей поднялся по лестнице и проник вместе с девушкой и спасателями в квартиру.

Когда они добрались до спальни, доктор вежливо снял шляпу, как на обычном домашнем вызове, и негромко, с шотландским акцентом спросил:

– Как его зовут?

– Майк, – ответила Кей. – Майк Темплтон. – А потом уточнила, чтобы спутники отнеслись к пострадавшему бережнее: – Коммодор ВВС Темплтон.

– Так-так... – Доктор склонился над кроватью. – Сэр, ноги чувствуете?

Один из пожарных обратился к Кей:

– Вам пора уходить, миссус. Мы вас выведем.

- Как насчет газа?
- Мы перекрыли основную магистраль.
- Я хочу остаться.
- Нет, это невозможно. Вы свой долг исполнили.

Другой пожарный взял ее под руку:

- Пойдемте, милочка. Не спорьте. Этот дом может рухнуть.
- Все нормально, Кей, – раздался голос Майка. – Делай, как они говорят.

Врач повернулся к ней:

- Я позабочусь о том, чтобы с ним все было в порядке, миссис Темплтон.
- «Миссис Темплтон!» Она напрочь позабыла, что ее не должно быть здесь.
- Ну конечно. Простите, я все поняла.

Кей была на полпути к двери, когда Майк окликнул ее:

- Ты бы захватила свой саквояж.

Это тоже вылетело у нее из головы. Саквояж так и стоял на оттоманке в изножье кровати, покрытый песком и пылью, безмолвная улика адюльтера. Майкл, должно быть, лежал и с тревогой думал о нем. Кей стряхнула с саквояжа мусор, защелкнула застёжки и пошла за пожарным к выходу. Он остановился на первой ступеньке лестницы, забрал у нее саквояж и скинул кому-то вниз. Потом спустился еще на пару ступенек, протянул девушке руку и поманил к себе. Кей зажмурилась, когда лестница согнулась и закачалась под двойным человеческим весом. Мужские руки крепко взяли ее за талию.

- Давайте, милочка, у вас получится.

Медленно, задерживаясь на каждом шагу, они спустились. И когда нога Кей коснулась последней ступеньки, она упала в обморок.

Очнувшись, увидела склонившуюся над ней медсестру. Придерживая ее за подбородок, сестра растирала виски йодином. Кей застонала и попыталась высвободиться. Хватка окрепла.

- Все хорошо, душенька. Лежи смирно. Почти готово.

Что-то жесткое давило в спину, и когда медсестра закончила, Кей повернула голову и увидела, что ее прислонили к заднему колесу пожарной машины. К стене разбомбленного дома приставили еще две лестницы, трое мужчин в стальных касках стояли рядом наверху – принимали носилки, которые спускали к ним шестеро пожарных. Медсестра проследила за ее взглядом:

- Кто-то из ваших?
- Возможно.
- Тогда давайте посмотрим.

Она подала руку и помогла Кей подняться. Потом обняла ее за плечи и подвела к подножию лестницы.

Носилки спускались медленно, пожарные переговаривались, требуя держать ровнее. Кей узнала Майка по выющимся черным волосам. Он был укутан в одеяло. Когда носилки опустили на землю, Майк повернулся и заметил ее. Лицо было искажено болью, но усилием воли он выпростал руку из-под одеяла и вяло поднял большой палец. Кей обхватила его руку своими.

- Это была «Фау-два»? – спросил Майк.

Она кивнула.

- Чертовски забавно. – Он слабо улыбнулся.

Кей обратилась к медсестре:

- Куда его повезут?
- В Варфоломеевскую больницу. Можете поехать с ним, если хотите.
- Я бы с радостью.

Майк отвел ее руки. Выражение его лица сделалось вдруг отстраненным, как будто он и Кей были чужие друг другу. Взгляд устремился в небо.

– Лучше не надо, – сказал он.

Глава 3

Они стояли под елью, с ветвей капала дождевая вода. Граф курил сигарету, Бивак держал раскрытый блокнот. Граф хотел сразу после запуска вернуться в Схевенинген, но Бивак пожелал задержаться и понаблюдать за работой полка. Они смотрели, как несколько человек из пускового расчета расчищают стартовую площадку, сматывают электрические кабели и складывают мачту. Стартовый стол представлял собой кольцо из прочного сплава, размером чуть больше обеденного стола – того же диаметра, что и «Фау-2», – стоявшее на гидравлических ножках, а под кольцом находился пирамидальной формы отражатель.

– Она тяжелая? – спросил Бивак.

– Тонны полторы.

Солдаты прикатили двухколесную тачку и загнали ее под платформу. Люди работали быстро, почти не переговариваясь, сокращая время, за которое их могли обнаружить самолеты противника. Где-то в лесу ожил мощный двигатель, закашлял клубами бурого дыма, и понемногу из-под земли выполз полугусеничный бронетранспортер.

– Это что такое?

– Машина управления пуском, – пояснил инженер. – На время старта ее спрячут в капонири.

Бронетранспортер прогромыхал через подлесок в их сторону и остановился. Водитель не глушил мотор, пока пусковая команда цепляла платформу к его фаркопу. Затем солдаты забрались на крылья и прильнули к броне. Машина взревела и спустя минуту скрылась из вида. За исключением слабого запаха гари и опаленных ветвей, не осталось никаких следов запуска.

Бивака эти операции удивили не меньше самого старта.

– И это все?! Господи, да вы же способны стрелять откуда угодно!

– Да, при условии, что есть участок ровной и достаточно твердой земли. Угол автомобильной стоянки или школьная игровая площадка вполне подойдут.

Год назад Граф не мог вообразить, что они смогут запускать ракеты с такой легкостью. Как не мог и помыслить, что удастся наладить массовое производство – теперь «Фау-2» изготавливались тысячами. Чудовищная гениальность этого проекта преподносила все новые сюрпризы.

– Как должно быть удивительно вам это видеть: то, над чем вы трудились с шестнадцати лет, в итоге стало оружием для защиты фатерланда.

Это прозвучало столь многозначительно, что Граф взгляделся в лицо штурмшарфюрера, но оно оставалось невозмутимым.

– Само собой. – Граф сделал последнюю затяжку, бросил окурочок на землю и раздавил каблуком. – Пора возвращаться.

Они не успели пройти по дороге пятидесяти метров, как снова услышали бронетранспортер – его двигатель выл, словно в ужасе. Машина, уже без людей на броне, преодолела с большой скоростью поворот и резко затормозила. Откинулась боковая дверца, высунулась голова сержанта Шенка, командира пусковой команды. Шенк был ветераном – на Восточном фронте мороз лишил его обеих ушей.

– Доктор Граф! Нештатная ситуация на позиции семьдесят три. Вас срочно вызывает лейтенант Зайдель.

Он протянул руку, чтобы помочь Графу забраться в бронетранспортер, но при виде Бивака заколебался.

– Все нормально, он со мной, – сказал Граф.

Шенк втащил эсэсовца в машину и захлопнул дверцу.

– Вы ничего не забыли, сержант? – осведомился Бивак.

Шенк уставился на него взглядом сначала непонимающим, затем любопытным. Потом неторопливо поднял руку:

– Хайль Гитлер.

Бронетранспортер резко дал задний ход, потом рванул вперед, и пассажиры едва удержались на ногах. Граф ухватился за одно из двух вращающихся кресел, Шенк – за другое. С издевательской вежливостью метрдотеля модного ресторана он предложил сиденье Биваку. Машина развернулась, ломая кусты, и выехала на дорогу.

Кресла предназначались для командира пускового расчета и его помощника, чтобы вести наблюдение за стартом. Над приборной панелью в заднем борту имелась узкая смотровая щель, через нее было видно убегающие назад колеи. Бивак разглядывал циферблаты и тумблеры. Он был не прочь выслушать очередную лекцию, но Граф был слишком занят тревожными догадками, чтобы его просвещать. «Нештатная ситуация». Сколько раз за последний месяц доводилось ему слышать эти слова?

В душной кабине его замутило от качки. Он вцепился в края сиденья. Через пару минут машина сбросила скорость, объезжая колонну стоящих на обочине бензовозов. Солдаты прятались под деревьями, грели руки в карманах. Курить в непосредственной близости от топлива запрещалось. Бронетранспортер остановился, сержант открыл дверцу. Граф с облегчением выбрался на прохладный, сырой воздух.

Лейтенант Зайдель ждал его. В полку было три батареи по три огневых взвода, личный состав каждого – тридцать два человека. Зайдель командовал второй батареей. Он был почти ровесник Графу, земляк-берлинец. Иногда по вечерам, если усталость не одолевала, они в офицерской столовой играли в шахматы. О политике никогда не говорили.

Вид у Зайделя был хмурый.

– У нас пожар в приборном отсеке.

– Пожар? Питание отключили?

– Полностью. Идите взгляните.

Они обогнули броневик. В паре сотен метров дальше по дороге стояла одинокая ракета, готовая к запуску. Зайдель протянул инженеру полевой бинокль. Граф навел его на «Фау-2». Из корпуса чуть ниже боеголовки поднималась слабая струйка дыма, разносимого ветром.

– Она заправлена?

– Доверху. Потому-то мы и эвакуировали всех с площадки. Возгорание заметили буквально за минуту до старта.

Граф опустил бинокль. Потер подбородок, помассировал большим и указательным пальцами переносицу. Выбора не оставалось.

– Пожалуй, мне стоит пойти и посмотреть.

– Уверены?

– Так ведь это же я соорудил проклятую штуковину, – попробовал отшутиться Граф. – Если честно, меня пугает не столько вероятность взрыва, сколько необходимость забираться по чертовой лестнице Магируса¹.

Это было недалеко от правды – он боялся высоты.

Зайдель хлопнул его по плечу:

– Хорошо. Мне нужны два добровольца. – Он подмигнул Графу и огляделся. Потом указал на стоявших поблизости солдат. – Ты и ты. Приставьте к ракете лестницу.

Дружно побледнев, солдаты взяли под козырек:

– Есть, герр лейтенант!

¹ *Лестница Магируса* – раздвижная пожарная лестница, названная в честь своего изобретателя Конрада Дитриха Магируса (1824–1895).

– Мне понадобятся перчатки и инструменты для приборного отсека! – прокричал им вслед Граф. Только сейчас он вспомнил про Бивака, слушающего разговор, и обратился к Зайделю: – Кстати, это штурмшарфюрер Бивак. Он зачислен в наш полк в качестве офицера Национал-социалистического руководства вермахта.

Зайдель снова хохотнул, как будто Граф продолжал шутить, но, когда Бивак щелкнул каблуками, вскинул руку и произнес: «Хайль Гитлер!», улыбка сошла с лица лейтенанта. Он отсалютовал в ответ.

– Какова ваша задача в полку, штурмшарфюрер?

– Поднимать воинский дух. Напоминать войскам о том, за что они сражаются.

У Зайделя опустились уголки губ, и он кивнул:

– Дело нужное.

Граф снова посмотрел в бинокль. Ему кажется или дым стал гуще? Тревожила не близость пожара к боеголовке – пока взрыватель не активирован, аматол не более опасен, чем ком желтой глины весом в тонну. Другое дело – топливо. Ему уже приходилось видеть, как взрываются баки. Однажды такая авария погубила трех человек прямо у него на глазах. И это была всего лишь маленькая экспериментальная емкость, тогда как как в «Фау-2» залито восемь с половиной тонн спирта и жидкого кислорода. Инженер постарался выбросить жуткую сцену из головы.

– Мы теряем время, – сказал он. – Велите солдатам поторопиться с лестницей.

И пошел к ракете. Услышав шаги, обернулся и увидел догоняющего его Бивака.

– Нет-нет, вы ничем не поможете, – бросил Граф. – Держитесь подальше.

– Предпочитаю пойти с вами. – Бивак поравнялся с ним. – Лейтенант склонен видеть во мне всего лишь бумагомараку из Коричневого дома, а ведь я два года провоевал на востоке. Я должен служить примером для солдат. Вы меня понимаете?

– Как вам угодно, – ответил Граф и прибавил шагу.

«Фау-2» была чудовищем в семь человеческих ростов, а в тот момент казалась еще выше. Подойдя, он снял шляпу и задрал голову. Причина наверняка в трансформаторе. В Пенемюнде была обнаружена склонность ракеты взрываться на завершающей стадии полета из-за перегрева при входе в плотные слои атмосферы. Поэтому для защиты верхней секции был добавлен металлический кожух. Но из-за него в холодное время усилилось образование конденсата, а тот вызывал короткие замыкания. Решая одну проблему, создаешь другую.

Подспела лестница, ее привез в прицепе небольшой грузовик. Водитель затормозил около ракеты, выпрыгнул из кабины и немедленно приступил к выгрузке. Лестница была того типа, который используют пожарные, – выдвижная, из трех секций. Другой солдат вручил Графу чемоданчик с инструментами. Оба рядовых с опаской поглядывали на дым. Инженер взял пару небольших гаечных ключей, отвертку, фонарик и рассовал по карманам плаща.

Солдаты приставили лестницу к корпусу под дымящим отсеком и направились к своим товарищам – неторопливый шаг быстро перешел в рысцу. Граф проводил их взглядом. Разумные парни, подумалось ему. Он передал Биваку шляпу, натянул асбестовые перчатки и полез наверх.

Нижняя секция, самая массивная, оказалась достаточно устойчивой, но чем выше, тем более шаткой становилась лестница, да и ветер тут дул сильнее, хлестал лапами плаща по ногам. Граф смотрел прямо перед собой, заботясь о том, чтобы утвердиться на ступеньке, прежде чем перенести ногу на следующую. Он миновал двигательный отсек, бак с жидким кислородом, бак со спиртом. В том месте, где к фюзеляжу примыкал носовой конус, находился приборный отсек № 2.

Дым валил из щелей смотрового лючка. Графу пришлось стянуть правую перчатку, чтобы достать отвертку и вывернуть винты. Когда лючок открылся, наружу вырвался клуб едкого дыма. Инженер отвернулся, чтобы не наглотаться, и это вынудило его пройти взглядом по

сторонам. Дорога, вспомогательная техника, наблюдающие солдаты – все это замелькало перед глазами, ноги и руки сделались ватными. Он вжимался в лестницу, пока не успокоились нервы, дав ему возможность высвободить вторую руку и снова надеть перчатку.

Он засунул обе руки во внутренность ракеты, стараясь отворачивать голову. Его бил кашель, глаза жгло. Очень удачно, что он умел ориентироваться в отсеке вслепую – именно так и приходилось теперь работать. Пальцы на ощупь спустились от коробки предохранителей к фильтрующему контуру и далее к главному электrorаспределительному щиту. Граф выудил из кармана ключ, пошарил им и нашел пару болтов крепления трансформатора. Повозившись несколько минут, выкрутил их, затем ухватился за трансформатор обеими руками. Вынимая его из отсека, ощутил лицом исходящий от металла жар. Граф крикнул Биваку, чтобы тот отошел, и швырнул трансформатор как можно дальше от ракеты.

Дым внутри отсека сразу стал густым. Инженер включил фонарик и направил внутрь. Большая часть толстой резиновой оплетки главного кабеля оплавилась. Фанерная обшивка отсека обуглилась. В остальном не заметно было никаких существенных повреждений. Граф закрыл лючок и очень медленно, стараясь не смотреть вниз, стал спускаться.

К моменту, когда он добрался до земли, к «Фау-2» уже направлялись со всех сторон несколько десятков человек, как пешком, так и на машинах. Среди них были не только Зайдель и командир пусковой команды, но и лично полковник Хубер, ехавший на переднем сиденье штабного автомобиля. Бивак нагнулся, рассматривая сгоревший трансформатор. Он попытался было его поднять, но тот был слишком горячим, даже для кожаных перчаток; пришлось сразу бросить.

– Насколько сильно повреждена ракета? – спросил Зайдель.

Граф стянул перчатки и присел на корточки, переводя дух.

– Повреждений никаких, насколько я могу судить. Только трансформатор.

– Что посоветуете?

– Слить топливо. Отправить ракету в мастерскую, чтобы протестировать электрику.

– А нельзя ли просто установить новый трансформатор?

– Можно, но зачем рисковать?

– Вы же сказали, что повреждений нет, – вмешался Бивак.

Граф встал:

– Скорее всего, нет, но мы не можем быть уверены полностью, пока не проверим авионику.

– Сколько времени займет слив топлива?

– Часа два.

– В итоге вы потеряете полдня, а Лондон получит спокойный вечерок! Допустим, вы проведете запуск – какой возможен худший расклад?

– Ракета может не взлететь, – ответил Граф. Ему стоило немало труда скрывать раздражение – этот пропагандист всего лишь час провел в Схевенингене, а уже вообразил себя экспертом! – Или собьется с курса, и тогда мы выбросим на ветер сотню тысяч рейхсмарок.

К ним подошел Хубер:

– Итак, господа, что предпримем?

– Доктор Граф рекомендует отменить запуск, – сказал Зайдель. – Штурмшарфюрер не согласен.

– Не обращайтесь на меня внимания, – заявил Бивак. – Я тут не более чем наблюдатель.

Хубер посмотрел на ракету, на обгоревший трансформатор, на Графа, затем на блокнот Бивака. Инженер почти слышал, как щелкают мыслительные шестерни в голове у полковника.

– На войне без риска не обойтись, – сказал наконец Хубер. – В этом суть национал-социализма. – Он кивнул Зайделю. – Деталь заменить, запуск выполнить.

Граф, раздосадованный, отвернулся. Хотелось закурить, но это не помогло бы успокоить нервы. Оставалось только ходить вокруг стартовой площадки, как он частенько делал в Пенемюнде, когда заканчивались последние приготовления.

Со склада доставили на мотоцикле новый трансформатор, унтер-офицер из команды запуска проворно поднялся по лестнице и установил его. Отсек закрыли, лестницу сложили и увезли, электрические кабели подсоединили. Прозвучала сирена, солдаты укрылись в траншеях. Зайдель, Хубер, Бивак и следом за ними Граф гуськом пробрались через кусты к машине управления пуском, почти по крышу спрятанной в окопе у начала склона.

Дверца захлопнулась. Внутри бронетранспортера стало тесно. И холодно – люк в крыше был открыт. По громкой связи передали подтверждение с радиолокационной станции в Гааге, что в радиусе пятидесяти километров нет вражеских самолетов.

– Можно запускать.

– Какова процедура? – любопытствовал Бивак.

Граф забился в угол, предоставив Зайделю просвещать эсэсовца.

– У пускового переключателя пять позиций. Мы сейчас на первой...

Сидевший за приборной панелью сержант высунул голову в люк и посмотрел на ракету.

– Начинаем обратный отсчет. Десять... девять...

Переключение на вторую позицию означало закрытие клапанов топливных баков и открытие подачи сжатого воздуха в бак с жидким кислородом.

– ...восемь... семь... шесть...

Третья позиция: турбонасос начал прокачивать смесь перекиси водорода с марганцовокислым натрием, чтобы произошло зажигание. Воспламенитель в форме свастики завертелся колесом святой Екатерины, выбрасывая снопы искр.

– ...пять... четыре...

Четвертая позиция: топливо из обоих баков пошло в камеру сгорания. Прерывистое ревущее пламя забило из-под хвоста ракеты.

– ...три... два... один...

– Пуск! – Сержант нырнул в кабину и захлопнул люк.

Пятая позиция: турбонасос включился на полную мощность, под большим давлением впрыскивая топливо в камеру сгорания.

Бронетранспортер затрясся. Ощущение было такое, словно шум зарождается в солнечном сплетении, а затем струится наружу. Сломанные ветки забарабанили по крыше. Граф зажимал ладонями уши и молился.

Глава 4

Кей стояла в тот миг на углу Чансери-лейн и Уорик-Корт, держа в руке саквояж, и смотрела, как карета «скорой помощи» пробирается к больнице Святого Варфоломея. С момента прилета ракеты прошло семьдесят шесть минут. Район запрудили выжившие и любопытные. Водителю приходилось то и дело включать сирену. Люди оглядывались, расходились по сторонам, увлекая за собой зазевавшихся соседей, затем снова заполняли дорогу.

Наконец «скорая» скрылась из виду. Звук сирены стих. Но даже теперь Кей не сдвинулась с места. Ее мозг работал словно на половинной скорости. Он прорабатывал только одну мысль зараз.

«Лучше не надо». Он в самом деле так считает или ей следовало настоять и поехать с ним?

Находящаяся на полпути через Северное море ракета работала как часы. Два гироскопа – один отвечающий за вертикальное ориентирование, другой за горизонтальное, – вращаясь со скоростью в тридцать тысяч оборотов в минуту, удерживали «Фау-2» строго на заданном курсе.

Кей, в одном платье, без пальто, поняла, что замерзла. Впервые за этот час с лишним она осмотрелась и обнаружила, что почти все витрины магазинов на Чансери-лейн разбиты, как и окна в верхних этажах домов и стекла брошенных на дороге автомобилей, стоящих под самыми нелепыми углами. Широкая улица, пусть и запруженная, выглядела на удивление статично. Так бывает в Вест-Энде по вечерам: спектакли закончились, а люди ждут, когда выйдут друзья, и делятся впечатлениями или обсуждают планы на будущее. Крови было много: на лицах, на одежде, на мостовой. Пожилая пара сидела на бордюре, держась за руки и опустив ноги в канаву. Мальчонка цеплялся за пустую детскую коляску и плакал. Повсюду валялись осколки стекла, кирпичи, обломки штукатурки. Она заметила странный кусок тонкого металла, лежащий возле ее ног, и подняла. Он был еще теплый. Кей предположила, что это обломок ракеты – фрагмент фюзеляжа или хвостового стабилизатора, – и аккуратно положила его на землю. Кто-то окликнул ее, но, прежде чем ей удалось сосредоточиться, этот человек ушел.

Спустя какое-то время она двинулась в ту сторону, куда уехала карета «скорой помощи».

Больница Святого Варфоломея находится в лондонском Сити, уж это Кей знала наверняка. Если она не увидит Майка, то хотя бы постоит под окнами. Кей еще не придумала четко, что делать.

Немногим более четырех миль к юго-востоку, в Дептфорде на Нью-Кросс-роуд, в универсам сети «Вулворт» завезли партию кастрюль – дефицитного товара в Англии военной поры. Слух разлетелся мгновенно, и домохозяйки выстроились в длинную очередь. Этот магазин располагался в большом четырехэтажном здании. Суббота была самым посещаемым днем, а обеденный час – самым оживленным часом. Многие захватили с собой детей, в кондитерском отделе собралась целая толпа. Молодая мать, левой рукой прижимая к себе двухмесячного младенца, пересекала Нью-Кросс-роуд на пути к кастрюльному Клондайку. Сорок лет спустя она вспоминала, как «воздух вдруг остановился и стало трудно дышать».

Когда некий объект преодолевает звуковой барьер и продолжает лететь со скоростью, превышающей число Маха, то есть семьсот шестьдесят семь миль в час, он несет с собой шум звукового порога, подобно тому как волна расходится из-под носа гоночного катера. В двенадцать часов двадцать пять минут – Кей точно знала время, потому что эти числа позже звучали в официальных сообщениях, – она услышала нечто похожее на треск очень мощного фейерверка. За этим треском через несколько секунд последовал громкий звук, как будто где-то вдалеке захлопнули тяжелую дверь. Затем раздался рев летящей ракеты. Все вокруг замерло, глядя вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.